

Александр Крохин. Первый прыжок

Прежде чем получить допуск к практическим полётам на планере, необходимо было выполнить обязательный прыжок с парашютом. Готовился к этому событию особенно тщательно. Мало было изучить устройство парашюта ПД – 47 и сдать экзамен, на подвесной системе научиться управлять куполом, отработать на тренажёре правильное приземление, но и морально подготовить себя к прыжку. Инструктором-наставником по парашютной подготовке была симпатичная девушка, Вологина Светлана – мастер парашютного спорта.

Первое испытание – прыжки с парашютной вышки, которая до сих пор существует и является одной из достопримечательностей и неотъемлемой частью самого красивого ансамбля — бакинского приморского бульвара. На вышке две площадки. Одна 25 — метровая, а другая, со стороны моря, на высоте 42 метра. Когда забрался по ступенькам на самую верхнюю площадку и осмотрелся вокруг, увидел море и пароходы, остров Наргин, фуникулёр и девичью башню, панораму города, уходящую в бесконечность.

Баку. Парашютная вышка на Приморском бульваре. Фото К.Кириллова

Посмотрел вниз, и оказалось, что до земли гораздо дальше, чем представлялось. Снизу площадка казалась намного ниже. Пока ждал своей очереди, любовался красотами бульвара. По лабиринту водных каналов, под сводами искусственных мостов, катаются на лодках взрослые и дети. Недаром этот комплекс был назван маленькой Бакинской Венецией. Вековые деревья, цветущие кустарники и пальмы создавали неповторимую красоту паркового ландшафта. 75 — метровая парашютная вышка появилась в 1936 году и считалась самой высокой на территории Советского Союза.

Прыжками с вышки руководил весьма упитанный молодой парень, чуть выше среднего роста, плотного телосложения. Его неумеренная подвижность и говорливость

противоречили его флегматичной внешности. Выпускающего звали Додик. Он подал мне подвесную систему. Я надел её на себя, пристегнул ножные ремни, грудную перемычку, а затем карабинами прикрепился к парашюту. Перед прыжком старался внешне ничем свое волнение не выдать. Выпускающий открыл дверцу и я прыгнул. Через несколько секунд — земля. Некоторые «старички» старались при отделении выполнить переднее сальто. В этот день прыгнул с вышки три раза.

— Если на парашютной вышке перед первым прыжком ощущал сильное переживание, то, что же испытаю, когда придется прыгать с самолёта, с большой высоты? — думал я, — Все равно прыгну!

Наконец, наступил долгожданный день — пятнадцатое мая, на который нашей группе был назначен первый прыжок с самолёта. Проснулся очень рано и обнаружил, что стрелка будильника передвинута на два часа вперед.

Мамина уловка: удержать меня дома и сорвать парашютный прыжок, не сработала. Первой утренней электричкой добрался до Забратского аэродрома. Из электрички на платформу вышли практически все, кому предстояло прыгать с парашютом. Кроме парашютистов были лётчики, инструкторы-парашютисты, авиатехники, радисты и водители автомашин.

Солнце показалось над горизонтом со стороны моря и своими лучами окрасило перистые облака в жёлтые и кирпичные тона. Справа и слева от асфальтированной дорожки зеленели кустарниковые посадки: инжирник, яблоньки и сосенки. Слева — небольшая спортивная волейбольная площадка, а по периметру разместились различные вращающиеся тренажеры для развития вестибулярного аппарата — лопинги, гироскопы и рейнские колёса.

При нашем приближении, с кустов шумно взлетели стайки молодых воробьёв, сделали круг над нашими головами и улетели в направлении здания СКП¹. Пустельга, слегка потряхивая крыльями и распустив хвост, уже зависла в воздухе, видимо, выискивая очередную жертву для своих птенцов. На фоне сплошь зеленоей раскидистой ивы, у самого здания, контрастно выделялся совершенный черный с голограммическим отливом скворец, украшенный крапинами белого цвета. Он сидел на ветке перед скворечником и старательно копировал выкрики пустельги, лай собаки, то вдруг выдавал серию невообразимых надоедливых скрипов и длинный протяжный свист, а то, словно извиняясь за неудобства, причинённые изысканному слуху слушателей, исполнял изумительнейшую флейту иволги.

Як-12-е на Забратском аэродроме.

Забратский аэродром относился к сельскохозяйственной авиации, но аэроклуб имел несколько своих помещений для укладки и хранения парашютов и специально отведённые стоянки для самолётов и планеров. Аэроклубу не разрешали учебно-тренировочные полёты и прыжки на этом аэродроме, в связи с непосредственной близостью пассажирского аэропорта «Бина», поэтому в выходные дни летать и прыгать с парашютом выезжали за пределы города. Организовывали и более длительные сборы, по 2-3 недели, с обеспечением питания и ночлега в различных городах Азербайджана.

На этом аэродроме я уже был, но очень давно. Когда учился в первом классе, 148 школы, наш классный руководитель Римма Порфирьевна организовала экскурсию на аэродром, где нам рассказывали о спортивной авиации, о героических лётчиках — воспитанниках аэроклуба, о том, что лётчики-спортсмены, овладевшие искусством высшего пилотажа на спортивных самолётах, нередко становились военными лётчиками, лётчиками-испытателями, пилотами гражданской авиации. После лекции мы смотрели, как лётчики поднимали в небо учебно-тренировочные самолёты По-2, делали круг над аэродромом и приземлялись. Лётчики в шлемофонах и комбинезонах казались нам существами из другой планеты.

Я приехал на аэродром осуществить первый этап своей мечты: прыгнуть с самолёта, а затем научиться летать. Погрузили парашюты в бортовую машину, а сами сели в клубный автобус, который через час доставил нас в степь — местечко под названием Пирекяшкуль, недалеко от Баку, за большим озером «Джейран Батан» у подножья горной гряды Большого Кавказа.

Степь и ближайшие гряды невысоких гор покрыты полынной и полынно-солянковой растительностью. Лето ещё не наступило, а трава от жары уже начала подсыхать и приобретать коричневатый оттенок. Многочисленные низкорослые полевые злаки, похожие на миниатюрную пшеницу, доставляют множество неудобств, цепляясь за носки. Обрывки прямоугольных колосков имеют отвратительную особенность при движении человека самостоятельно продвигаться по ноге, или внутри рукава вверх, нанося небольшие царапины.

Два самолёта ЯК-12, вылетевшие позже нашего отъезда, прилетели раньше, чем появились грузовик и автобус. Техники готовили самолёты к прыжкам, снимали правые двери, а вместо правых пилотских сидений укрепляли, специально для третьего парашютиста, деревянную тумбу.

Нас построили в шеренгу, объявили очерёдность. Первыми прыгали опытные парашютисты, вернее первым прыгал «Иван Иваныч». Это ласковое имя маленького пристрелочного парашютиста с грузом, по результатам приземления которого определяется точка отделения парашютиста от самолёта с высоты 800 метров. Самолёты один за другим поднимались в воздух. Рокот их моторов заполонял землю, то сердито нарастал, и самолёт устремлялся выше, то затихал после отделения последнего парашютиста. В небе раздавались глухие хлопки от раскрывающихся парашютов. Закрывая ладонями глаза от слепящих солнечных лучей, мы смотрели, как спортсмены управляли куполом, снижались, перед землей разворачивались по ветру на подвесной системе и приземлялись.

В свободном падении

Один самолёт поднялся выше. От него отделилась темная точка, а через тридцать секунд в небе раскрылся белый купол. Это с высоты 2000 метров прыгнул Володя Шафиев – мастер спорта СССР. В свободном падении Володя выполнил шесть фигур. Управляя парашютом, он приземлился у квадрата, в котором находились все, кто уже выполнил прыжок и кому еще предстояло.

Наступила и моя очередь. Надел парашют, пристегнул запасной. На голову натянул каску. Инструктор внимательно проверил основной и запасной парашюты, тросики, резинки, фал. Он должен заметить все: малейшее нарушение правил монтировки парашютов и подгонки подвесной системы, состояние обуви и одежды, а также психологическое состояние начинающего парашютиста в эту ответственную минуту.

Подошли к приземлившемуся самолёту. Двигатель работал на малых оборотах, но вращающийся винт с силой гнал теплый воздух назад, обдувая лицо. Широкие штаны комбинезона хлопали, как полог палатки во время урагана. Пилот – Садрадинов Рамиз

Аскерович жестом пригласил нас усаживаться в самолёт, при этом, его короткие, черные усики смешно топорщились из-под шлемофона, а рот расплывался в доброжелательной улыбке.

Двое парашютистов уселись на заднее сиденье, а мне выпало «счастье» расположиться на тумбe, рядом с лётчиком, спиной к приборной доске. Это был второй полёт на самолёте в моей жизни, да еще у снятой двери и, естественно, сердце билось сильнее и чаще, волновался, но старался ничем не выдать тревожного внутреннего состояния, улыбался и пытался шутить.

Пристегнули фалы к скобе над дверью. Взревел двигатель, самолёт быстро начал движение. Тело по инерции подалось вперед, и я даже не заметил момента отрыва самолёта от земли. Земля быстро стала удаляться. Впечатление было такое, будто самолёт застыл на одном месте, но набирал высоту. Глуховато рокотал движок, мелкая вибрация самолёта отдавалась в каждой клеточке тела. Далеко внизу, через открытую дверь, я видел наше поле-аэродром, автобус, людей. Самолёт накренился, развернулся и вышел на прямую линию. Лётчик прокричал мне в ухо:

— Приготовиться!

Преодолевая сильное давление воздушного потока, вытащил ноги наружу и уперся ботинками в уголки деревянной ступеньки, правой рукой взялся за имитационное кольцо, левой держался за специальную скобу. За шасси и подкосом самолёта далеко внизу покачиваясь, проплывала земля, сам воздух казался объёмистым и плотным, ощущение такое, как будто находишься рядом с увеличительным стеклом, пройдя сквозь которое можно оказаться в другом измерении. Ждал команды. Наконец, лётчик похлопал меня по плечу:

— Пошёл!

Выпрямив тело, резко оттолкнулся от ступеньки. Только, когда ноги оторвались от самолёта, появилось подленькое желание вернуться обратно, но было уже поздно. В падении выдернул кольцо и, почти в то же мгновение, меня с силой встряхнуло, удар отдался во всем теле и, как будто, подбросило вверх. Купол раскрылся, и я неподвижно повис между землей и небом.

Удивительная тишина. Посмотрел на купол. По тугой, вздувшейся ткани пробегало быстрое трепетание. Все было в порядке. К полному спокойствию, наступившему сразу, после осознания, что спускаюсь под куполом парашюта, добавилось ощущение радости и счастья от сданного сейчас экзамена. Осмотрелся, нашёл площадку приземления, убрал кольцо в кармашек, удобнее уселся в подвесную систему и начал тянуть лямки, чтобы развернуться в нужную сторону, по ветру. Я смотрел вверх на других снижающихся парашютистов, по сторонам и вниз. Пора готовиться к приземлению, земля приближалась. Ветра почти не было. Почувствовав лицом, теплое дыхание земли, вытянул и напряг полусогнутые ноги. Приземление было мягким. По полю бегал наш инструктор-парашютист Виктор Павлович Иванов с мегафоном. Пробежал мимо меня.

— Погодка хорошая, — довольноным тоном произнес он и, не дожидаясь моего подтверждения, закричал в мегафон снижающемуся парашютисту:

— Ноги, ноги вместе держи, ноги вместе!

Команда была принята вовремя, и парашютист приземлился по всем правилам. Пока собирал в сумку парашюты, ко мне подъехал на велосипеде незнакомый паренёк и спросил:

— Дяденька, а вам не страшно прыгать из самолёта?

Вместо ответа на его вопрос, я задал ему встречный:

— А тебе, сколько лет?

— Пятнадцать. — ответил он.

— Ну, а мне шестнадцать! Дяденька! — и мы оба рассмеялись. — Немного страшновато, но в том-то и суть парашютного спорта — победить свой страх и выполнить программу прыжка. Дружба с белым куполом воспитывает в человеке смелость, решительность, стойкость и отвагу. Так что через годик милости просим в нашу компанию. Взвалил тяжелую сумку на плечо и направился к месту сбора и укладки парашютов. Мы поздравляли друг друга с первым прыжком. В этот день совершил свой первый прыжок мой друг — Володя Насуля. После прыжков, каждому вручили значок парашютиста. Все из нашей группы выполнили прыжок. «Отказников»² не было. Мы наперебой делились радостью первого прыжка. Некоторые хвастались, что нисколечко не боялись, но я этим утверждениям не верил.

Решил на следующий день еще раз прыгнуть. Уложил свой парашют в ранец, заполнил формуляр. Дома, мама и бабушка ждали моего возвращения и очень обрадовались, увидев меня живым и невредимым.

А.Крохин (в центре с белой каской) с группой парашютистов перед прыжком с самолёта АН-2.

В аэроклубе желание планеристов прыгать всячески поощрялось, и я в полной мере воспользовался этим обстоятельством в дальнейшем; за время спортивного периода, как планериста и инструктора-лётчика, выполнил три сотни прыжков с парашютом.

¹ СКП стартовый командный пункт.

² «Отказниками» называют начинающих парашютистов, которые по тем или иным причинам не могут преодолеть страха перед большой высотой и отказываются совершить ознакомительный прыжок.

Александр Крохин. Ночной велопробег в Аджикабул

Ко дню парашютиста в России 26.07.2016 г.

По каким-то техническим причинам был объявлен перерыв в полётах планерного звена. Сказали, что в ближайшие две недели полётов не будет, но парашютное звено аэроклуба, в это же самое время, находилось на сборах в городе Аджикабуле, на территории военного аэродрома.

Планеристы, по привычке, пару раз в неделю, наведывались в здание аэроклуба, в центре Баку, узнать последние новости и просто пообщаться. В четверг, вечером, собрались у аэроклуба четверо моих друзей из группы планеристов и я. Впереди два выходных дня. Вынужденный перерыв в эти дни совсем не входил в наши планы. У парашютистов в ближайшее воскресенье планировался последний прыжковый день. Наша пятёрка направилась к парку 26 Бакинских комиссаров, посидеть на скамеечке под огромным платаном и обсудить последние новости.

Митя Вагабов – смуглый, среднего роста лезгин с крупными выразительными чёрными глазами, жил в поселке Бина, частенько приглашал меня в гости на чай, мы вместе готовились к сдаче экзаменов по основным лётным дисциплинам.

Боря Арутсамов – высокого роста и крепкого телосложения, как и все спортсмены, мечтал после школы поступить в лётное училище и стать лётчиком военно-транспортной авиации.

Леша Кихтенко – долговязый малый и способный спортсмен, жил в одном из домов на склоне горы, в Баилово. Для того, чтобы выглядеть солидным, обзавёлся усиками. Свою светло-рыжеватую щетинку под носом в шутку называл мужским украшением. На голове – неизменный берет светло-коричневого цвета, слегка сдвинутый на бок, придававший Лёше вид свободного художника.

Саша Бычков – невысокий, плотный крепыш. Высокий лоб с низкими светлыми бровями и глубоко посаженными глазами, прямой «греческий» нос с едва заметной горбинкой и пухлые губы, производили впечатление эрудированного человека, но чрезвычайно скрытного, малообщительного, как говорят — «себе на уме», что не сразу определишь наверняка, чего от него можно ожидать, а чего нет. Жил с родителями в посёлке Разино. Посидели немного, помолчали. Неизвестность тяготила всех нас. Когда начнутся полёты, никто не знал. Я уставился на старый платан, на его совершенно гладкий белый ствол и долго не мог понять: есть у него кора или нет. С вершины раздавался птичий гвалт — торопливые щебетания корольковых выюрков. Их хоровое пение отдалённо напоминало звуки, издаваемые десятком детских музыкальных игрушек «шарманок».

— Может, на выходные смотримся в Аджикабул и прыгнем с парашютом? — предложил Боря Арутамов. Мы переглянулись. В целом идея нам понравилась. Но как её осуществить на практике? От Баку до Аджикабула 130 км. Поезда, следующие в сторону Тбилиси или Кюрдамира, там не останавливаются. Зайцами доехать на площадке одной из цистерн товарного поезда тоже опасно. Задумались.

— Поехали на велосипедах, — подал голос Митя Вагабов, — доедем на электричке до конечной станции Дуванный, а дальше продолжим путь своим ходом.

— Точно! И сократим расстояние почти наполовину, — поддержал Митю Лёша Кихтенко. Предложение показалось нам разумным, но велосипеды оказались только у троих. Я и Саша Бычков были «безлошадными». Я сказал, что попытаюсь выпросить велосипед у соседского парня. Саша также пообещал раздобыть двухколёсную технику. Договорились встретиться на Сабунчинском вокзале завтра, в 21 час, за 15 минут до отхода электропоезда.

— Не забудьте воды с собой прихватить, — напомнил всем Борис, — да еды побольше. Вечером рассказал соседу об идеи прыгнуть с парашютом и уговорил дать до понедельника велосипед, который сразу же был предоставлен в полное моё распоряжение. Подготовил технику к дальнему пробегу и в назначенное время приехал на вокзал. Все были в сборе. Саша не смог достать велосипед, но решил бежать рядом с нами по дороге и все же выполнить прыжок. Его взгляд упал на багажник моего «коня».

— Давай договоримся, — обратился он ко мне, — я буду крутить педали и везти тебя.

Так как багажник был только один, мы решили везти на нем Бычкова по очереди, меняясь велосипедами. Купили билеты, расположились в вагоне и наше путешествие началось. Примерно через два часа мы вышли на пустынной станции Дуванный. Пассажиров, кроме нас, не было. Те, которые ехали в нашем вагоне, давно вышли на предыдущих остановках. Было не очень темно. По небу уже рассыпалось огромное количество ярких звезд и созвездий. Большой светящийся диск луны позволял просматривать местность достаточно далеко. Рядом с платформой прямой серой лентой проходила асфальтированная дорога на Аджикабул. Чуть дальше с шумом накатывал на плоский песчаный берег свои седые волны Каспий.

Быстро оседлали своих «железных коней» и поехали по дороге. Саша пристроился на багажнике сзади меня. Изредка нас обгоняли грузовые машины, и это обстоятельство натолкнуло нас на мысль доехать до нашего конечного пункта на попутной машине. Едва завидев свет фар, мы начинали голосовать, но водители машин сначала притормаживали, а затем нажимали на педаль газа до отказа и проскакивали мимо. Видимо, думали, что на пустынной дороге орудует шайка разбойников, и благодарили судьбу за то, что успели проскочить это опасное место. Вскоре мы прекратили попытки остановить какую-либо машину и энергично закрутили педалями.

Постепенно дорога стала уходить на подъем, появились холмы, и ехать стало намного тяжелее. На особенно длительных и крутых подъемах приходилось идти пешком и толкать вперед велосипед.

Светало. Высоко над головой послышались переливчатые трели жаворонков. Местность не богата растительностью, одни солончаки, да перекати-поле, растения, которые оставляют после отмирания круглые, овальные и сухие комки, состоящие из высохших стебельков, катающиеся по ветру. По пути такой стебель захватывает соломинки, веточки других, особенно цепких растений, и под конец скатывается в довольно большой ком. Холмы стали выше. Нам надо было преодолеть последнюю гору, последний не очень высокий перевал. За ним, у самого подножья раскинулся Аджикабул — небольшой городок к юго-западу от Баку, с населением около 25 тысяч человек — наша конечная цель.

Мы катили велосипеды по дороге в гору. Усталость от многочасового похода сковывала плечи, ноги наливались свинцовой тяжестью. Наконец, добрали до верхней, ровной части горы. Слева, недалеко от дороги, увидели пасущуюся отару овец, которую охраняли огромные кавказские овчарки. Собак очень заинтересовалась наша группа, и они дружно с лаем побежали в нашу сторону.

Общаться с ними у нас не было никакого желания. Внезапно ощущив второе дыхания и неведомо откуда появившуюся ревность, мы вскочили на велосипеды и поехали вперёд, как можно дальше от этого опасного места. У Алёши Кихтенко от быстрого старта соскочила цепь. Он резво заработал одной ногой об асфальт, пытаясь набрать скорость, а другой отбивался от подбежавшего лохматого чудовища.

Отъехав на безопасное расстояние, мы поехали медленнее и наблюдали, как Алёша, отбиваясь от собаки, норовил ботинком стукнуть её по морде. В тот момент нам показалось, что физиономия нашего товарища очень напоминала кадр из фильма ужасов, а светло-коричневый берет, до этого скрывающий пышную шевелюру, сильно, насколько позволяли волосы, возвысился над головой.

Дорога сначала медленно уходила под уклон, а затем переходила в крутой и продолжительный спуск. Сама дорога, во второй половине горы, представляла собой прорубленный в скале неглубокий желоб, справа огражденный отвесной двух — трехметровой вертикальной стенкой. Слева стена была поменьше, до метра.

Скорость велосипедиста под уклон увеличивалась быстро, и Алёша не только догнал нас, но и проскочил мимо, но уже с очень довольной физиономией. Знай, мол, наших. Далее события разворачивались несколько драматичнее, чем встреча с собаками. Далеко внизу, поперек дороги, проходила линия железной дороги. К переезду, слева, приближался товарный поезд. Шлагбаум был опущен. Самого поезда пока не было видно, но мы слышали часто подаваемые звуковые сигналы.

Лёша мчался по дороге с нарастающей скоростью, а когда увидел товарняк, начал тормозить об асфальт ботинками, подсовывая носок ботинка под раму, пытаясь тормозить переднее колесо, но ничего не помогало, мешало крыло колеса. Свалиться на бок при высокой скорости было самоубийством. Справа и слева скалистые стены, и столкновение с ними могло привести к печальным последствиям. Мы остановились и с бессилием и ужасом наблюдали, как «буридановы ослы»¹, за происходящим — врежется — не врежется. К счастью, проходил короткий состав и едва прошёл последний вагон, Лёша проскочил переезд и остановился далеко от железной дороги, почти в центре городка. Едва шок от всего увиденного прошел, мы подъехали к Лёше. Он уже успел надеть и подтянуть цепь и смотрел на нас с видом, как будто ничего особенного не произошло. — Ну, ты и каскадёр! — только и произнес Саша Бычков, — вложив интонацией то ли осуждение его лихой езде, то ли сочувствие.

— Вам сверху не видно было, а я увидел, что у поезда вместо шестидесяти, всего четыре вагона и он успевает проехать переезд.

Военный аэродром находился слева от дороги, зачехленные реактивные самолёты стояли ровными рядами, полётов не было. Мы представились охране и через взлётную полосу побрали к одиноко стоявшему домику, в котором, по нашему разумению, располагались парашютисты.

Рядом с домиком стоял пришвартованный аэроклубовский самолёт АН-2 с цифрой 55 на фюзеляже, бензовозправщик и наш автобус. Поставили свои велосипеды у стены домика и подошли к двери. Двери как таковой не было. Проём был занавешен брезентовым пологом. Мы вошли. Домик был разделен на две комнаты. В одной располагались девушки, в другой — мужчины. Все еще спали. Иванов Виктор Павлович — инструктор-парашютист, приподнял голову, удивленно посмотрел на нас, затем на часы и сказал:

— Берите в углу чехлы и располагайтесь на полу. До подъёма еще полтора часа. Немного отдохните.

1 ряд: А. Ибрагимов, В. Иночкин, В. Иванов, Т. Буданова, Р. Садрадинов, Н. Ханча, Годовалов,....; **2 ряд:** Г. Колчанов, ..., В. Бороздин; **3 ряд:** А. Кихтенко, ком. эск., А. Крохин, Б. Арустамов, Т. Демьяненко, Э. М. Рагимов, С. Вологина; **В дверях:** Д. Вагабов, Рязанцев, А. Бычков; На фюзеляже:....,..., С. Неретин, Любимов.

Мы нашли свободное место недалеко от входа, расстелили чехлы и рядом свалились на них, однако поспать нам не удалось: скоро прозвучала команда:

— Подъём!

Все встали, увидели нас, стали расспрашивать о том, как мы ухитрились сюда добраться из Баку. Сразу не поверили, что приехали на велосипедах, пока не увидели их. Начальнику аэроклуба Рагимову (на снимке он в центре группы, в полосатой футболке) сказали, что очень хотели прыгнуть с парашютом, поэтому и приехали.

— Никаких сегодня прыжков, — решительно отказал он, — вы на себя посмотрите. Всю ночь в дороге, не отдохнувшие, голодные. Разрешаю уложить себе парашюты, как следует отдохнуть, а прыгать будете завтра.

Возражать было бесполезно, и мы покорно кивнули головами. Вместе со всеми сели в автобус и поехали в город. В столовой, несмотря на ранний час, спортсменов уже ждали. На столах были разложены тарелки с горячей кашей и котлетами, в стаканах — компот. Организация питания в Бакинском аэроклубе на всех сборах, в каком бы городе они не проводились, всегда была отличной. Спортсмены не испытывали недостатка в питании и в дополнительном пайке.

Вскоре после завтрака начались прыжки. Небо расцветало от разноцветных куполов парашютов. Спортсмены отрабатывали упражнение на точность приземления. Прыжкам на точность предшествует тщательная теоретическая подготовка. Она включает в себя

изучение законов парашютирования, изучаются особенности управления куполом конкретного типа парашюта, способам разворота в ту или иную стороны.

Каждый парашютист составляет план прыжка на точность приземления с учетом скорости и направления ветра по высотам, своего веса, скорости снижения парашюта, а также положения условной точки отделения от самолёта, от которой парашютист перемещается к цели. Приземлившийся парашютист должен на поролоновую оранжевую точку, диаметром всего 10 см, в центре креста, выложенного из двух белых полотнищ.

Третий прыжок в этот день выполняли наиболее опытные спортсмены с задержкой раскрытия парашюта. Прыжок выполнялся с высоты две тысячи метров с задержкой раскрытия через 30 секунд. Такие прыжки являются сложными, но в то же время наиболее увлекательным и красивым видом парашютного спорта. От спортсмена требуется большое мужество, расчётливое хладнокровие и необычная выдержка. Кроме того, спортсмен должен уметь правильно группироваться и управлять своим телом в свободном падении, выполнять развороты, спирали влево и вправо точно на 360 градусов, а также прямое и обратное сальто, ускорять и замедлять скорость падения.

Укладка парашюта. Слева — Света Копылова,
справа — Валя Роткина

На запасном парашюте резинками закреплены миниатюрные приборы: секундомер, который включается в момент отделения парашютиста от самолета и высотомер, позволяющий контролировать высоту и в свободном падении, и при снижении на парашюте.

Солнце стояло в зените, а земля и воздух источали невыносимый жар. Прыжки прекратились. Съездили пообедать, а затем от жары каждый спасался, как мог. Одни нашли прохладу под крыльями самолета, кто-то залез под автобус, а некоторые спрятались в домике.

Вечером все занялись укладкой своих парашютов для прыжков на следующий день. Нам выделили резервные парашюты, и мы их уложили по всем правилам. Каждый этап укладки проверял Виктор Павлович. Все было подготовлено к прыжкам. Завтра последний

день сборов и мы надеялись, что погода не испортится, а наш приезд в такую даль не будет напрасным.

В полночь с рёвом и грохотом начали взлетать один за другим реактивные истребители-бомбардировщики «СУ-7Б». Начались учебно-тренировочные ночные полёты. Часа четыре подряд они взлетали, куда-то улетали и спустя некоторое время садились, выстреливая позади себя тормозные парашюты. Взлетно-посадочная полоса находилась от нашего домика всего в сотне метров. В дребезжащее стёклами окно можно было наблюдать взлёт и уходящие вдаль яркие конуса пламени, вылетающие из сопел ревущих двигателей. К рассвету полеты закончились, все затихло, и можно было немного поспать. На следующее утро наша пятёрка, совместно с пятёркой спортсменов-парашютистов сидела в самолете. Ровно рокотал двигатель, заставляя четырехлопастной винт «Аннушки» тянуть наш самолёт вперед. В иллюминаторе проплывали знакомые пейзажи – город Аджикабул, окружённый почти под прямым углом, с двух сторон горами, справа проплывает серебристо-голубая поверхность Аджикабульского озера, сверху похожего на урезанную печень. Вчера мы ходили туда купаться. Пока дойдёшь до глубокого места, много раз наступишь на больших устриц, которых на дне расплодилось великое множество.

На берегу увидел фигурки рыбаков, засевших у кромки воды, местами заросшей рогозом, тростником и камышом. Озеро крупнейшее в Азербайджане, длиной шесть и шириной три километра. Глубина в центральной части достигает пяти метров, пополняется за счет весеннего разлива реки Куры. Водится много различных рыб, среди которых встречаются усачи, сазаны, щуки, судаки и белый амур — мечта для рыбака. Зимой не замерзает, поэтому является местом зимовки около 20 тысяч птиц разных видов. Это – розовый фламинго, мраморный чирок, белоногий нырок, савки, которых в мире осталось не более 40 тысяч.

Самолёт развернулся и вышел на прямую линию. Справа, внизу, параллельно нашему курсу проходила шоссейная и железная дороги, разрезающие Мугансскую степь на две части. Одна часть плавно перетекает в предгорье, а затем в горы, образующие Кавказский хребет. Другая часть ограничивается рекой Курой, которая хорошо просматривается слева. Причудливые изгибы реки напоминают ползущую гигантскую змею.

В самолёте все улыбались, кто-то рассказывал анекдот. Так или иначе, каждый пытался скрыть от других душевное волнение, предшествующее прыжку. Волнение – это производная от страха. Страх, как и радость, нормальное чувство. Сильный перед опасностью не фальшивит. Ничего страшного, если перед прыжком слегка дрожат поджилки. Это признак напряжения. Хуже, когда человек опускает руки и раскисает. В момент наивысшего напряжения руки и ноги опережают мысль. Вступает в силу интуиция, выработанная временем, опытом и ставшая как бы рефлексом. Волнение исчезает, как только отделяешься от самолета и оказываешься один на один со стихией. Прозвучала сирена «приготовиться», зажегся сигнал жёлтого цвета. Дверь открыл выпускающий Иночкин Виктор Михайлович, опытный инструктор-парашютист. Мы встали, поправили лямки, подтянули ремешки касок под подбородком. Загорелась лампа зеленого цвета, и мы дружно, один за другим начали высакивать из проёма двери,

стараясь лечь грудью на встречный поток воздуха. После отделения, отсчитал пять секунд и выдернул кольцо. Ещё через несколько мгновений почувствовал рывок.

Приземление точно в цель

Парашют раскрылся. Привычное ощущение тишины. Поправил лямки, удобнее уселся и сориентировался. Надо было не только определить точку приземления, но и, управляя куполом, приземлиться в цель, а во время снижения необходимо наблюдать за другими снижающимися парашютистами.

Пролететь вплотную над чужим куполом очень опасно. Лишенный воздушной опоры, купол у верхнего парашютиста может сложиться и тогда камнем можно свалиться на голову товарища и вместе с ним с большой скоростью упасть на землю. Приземлился в полуметре от цели. Результат в данных условиях неплохой, некоторые опытные парашютисты показывали более скромные результаты. Снова быстро уложил свой парашют и успел выполнить ещё один прыжок.

Парашютные прыжки продолжались, а выполнившие свою дневную программу сидели в «квадрате» и наблюдали за своими товарищами. Наше внимание привлек мотоцикл с коляской, передвигающийся по краю поля.

Проезжая мимо упавшего оранжевого шарового вытяжного парашютика с чехлом, пассажир, сидящий в коляске, успел на ходу ухватить его руками и мотоцикл с увеличением скорости стал удаляться от аэродрома.

Виктор Павлович заскочил в автобус и погнался за нарушителями. Ильгам Меликович в это время заходил на посадку и по радио узнал о случившемся. Резко изменил направление, в одно мгновение догнал мотоцикл и прошелся над ним, едва не касаясь шасси головы мотоциклиста. Пролетел вперед, сделал горку и начал снова пикировать на

мотоцикл, но уже в лоб. Двое мужчин, сидящих на мотоцикле, были напуганы таким оборотом дела. Бросили чехол и остановились. В это время к ним подъехал Виктор Павлович. После внушения о недопустимости воровства, он отпустил перепуганных воришек.

— Они думали, раз валяется на краю поля, значит ничейный, — вернувшись, объяснил Виктор Павлович, — но я их припугнул арестом и передачей в руки милиции. Хватит с них.

В середине дня прыжки закончились. Положили парашюты в сумки и загрузили их в самолёт. Спортсмены собрали свои личные вещи и сели в автобус. Саша Бычков попрощался с нами и тоже направился к автобусу. Мы с велосипедами стояли поодаль и наблюдали, как по направлению к Баку отъезжал автобус и бензозаправщик. Смотрели на запустившийся двигатель и ждали, когда самолёт вырулит на полосу и улетит, а нам предстоял тяжелый велопробег в обратную сторону. Двигатель самолёта замолк, вращение винта прекратилось, дверь открылась. Высунулся Ильгам Меликович и рукой подозвал нас к самолёту. Мы подошли.

— Грузите свою технику и сами залезайте. Да, побыстрее.

Такого поворота событий мы не ожидали и мгновенно запихнули велосипеды в заднюю часть самолёта, а сами уселись на сумки с парашютами. Центровка была соблюдена. Кроме нас в салоне самолета, среди груды парашютов, расположились Виктор Иночкин и Володя Шафиев.

Самолёт взлетел и взял курс на Баку. Меньше чем через два часа мы уже выгружали парашюты на Забратском аэродроме, а затем перенесли их в специальное хранилище. Хором поблагодарили Рагимова за оказанную милость, попрощались и на электричке поехали домой. Менее чем через час я был дома.

‘В эпоху Средневековья была распространена философская теория, согласно которой ни одно живое существо не может само решать, как ему поступить. А те или иные решения продиктованы исключительно внешними причинами. Говорят, что французский философ Буридан, будучи ярым сторонником этой теории, приводил в ее подтверждение следующий пример. Если перед голодным ослом разместить по бокам на одинаковом расстоянии две охапки сена, он не сможет выбрать какую-либо из них, так как они абсолютно одинаковые. В итоге осел так и останется голодным, тем самым обрекая себя на смерть.

Александр Крохин. Сборы в Кубе

Куба — красивейший город в Азербайджане был основан в XV столетии, а во второй половине восемнадцатого столетия был столицей Кубинского ханства.

Знаменитая лестница кубинского парка

В городе очень много шикарных парков и садов, которые особенно великолепны весной, когда начинают цвести. Прекрасен парк с высокими цветущими каштанами около больницы и декоративной лестницей, выходящей каскадами к древнему кирпичному арочному мосту через реку, соединяющему город с посёлком Красная Слобода. На противоположной стороне красивый отвесный и высокий берег реки. Этот обрыв иногда служил отчаявшимся молодым людям решением всех проблем, связанных с разочарованием в жизни и неразделенной любовью, чаще всего с религиозными различиями или родительскими запретами. В самом городе и его окрестностях сохранилось много уникальных исторических памятников.

Город Куба и река Кудиалчай

На территории Кубы сохранились многочисленные мечети, средневековые бани: здесь находится крепость, возведенная еще в пятнадцатом столетии.

Однажды, в центре города я был свидетелем религиозной церемонии, происходящей на улице, примыкающей к старой мечети. Более трёх сотен наиболее фанатичных участников — мужчин, раздетых до пояса, расположились в две шеренги по обеим сторонам улицы. Все со связками цепей. Улица вдоль домов сплошь была заполнена людьми, наблюдающими за происходящим. Многие смотрели на весь процесс с интересом, многие криками поддерживали фанатиков.

Вскоре обе шеренги пришли в движение: одна двинулась короткими, ритмичными шажками, с напором на правую ногу, в сторону мечети, вторая — в противоположную сторону. В тakt удара правой стопой об асфальт, стали раздаваться ритмичные и мощные выкрики «Шахсей — Вахсей», «Шахсей — Вахсей». Вскоре выкрики сотрясали всю улицу. При этом мужчины колотили себя связками цепей по спине то с одной стороны, то с другой, постепенно переходя в исступление, связанное с наступившим трансовым состоянием¹. К общей круговой цепочке присоединялись дети. Удары цепями по плечам и спине становились всё сильнее и сильнее. Спины и плечи покрывались широкими красными кровяными полосами. У некоторых из головы текла кровь.

У шиитов — это церемония, имитирующая страдания и гибель Хусейна — сына халифа Али, зятя Мухаммеда. Хусейн и его ближайшие соратники были убиты в битве при Кербеле в 680 году. Ашурой шииты называют ежегодный десятидневный период поминования Хусейна и сам десятый день, в который он был убит. Шествие сопровождается самоистязаниями и возгласами: «Шах Хусейн! Вай Хусейн!»². Отсюда и современное название Шахсей — Вахсей.

В Азербайджане с 1929 года эта церемония была запрещена, но до шестидесятых годов, насколько я помню, она осуществлялась. До конца наблюдать кровавую церемонию я не смог, ушёл, не дождавшись финала, но еще долго слышал, доносящиеся издалека выкрики.

Куба — это город, который может похвастаться своими настоящими коврами, изготовленными на местной фабрике. Город на протяжении многих столетий является одним из основных центров ковроткачества. Это истинное произведение искусства, не находящее равного по качеству изготовления. Буйство красок и затейливые орнаменты делают ковер из Кубы отличным украшением для любой гостиной. Я до сих пор храню ковер, купленный моим дедом в 1930 году, в Кубе. Прекрасны и окрестности города. Ущелье Тенги поражает своей первозданной красотой.

Горная местность, в которой расположен город, очень полезна для здоровья, где можно отдохнуть, полюбоваться на мечети и храмы, побродить по тихим улочкам и шумному восточному базару. Здесь можно купить практически все, что угодно, попробовать неповторимую кубинскую пахлаву и сладкий лапшевник, побывать на горных тропах, послушать пение различных красивейших птиц и шум водопада.

Далеко вокруг раздаются приятные для слуха меланхолические трели чёрных дроздов, с вершин деревьев доносятся песни великолепно окрашенных щеглов и корольковых или, как их ещё называют, красношапочных выюрков. Особенно привлекателен Афурджинский водопад высотой 30 метров, у которого, если посчастливится, можно наблюдать поющего

пестро-каменного дрозда. На улицах города всегда многолюдно, несмотря на то, что количество проживающих в описываемое время насчитывалось около 8-9 тысяч. По стечению обстоятельств, в июле, на сборах, именно на аэродроме в Кубе, где семь лет назад впервые поднялся в небо на прогулочном самолете АН-2, я совершил свой первый самостоятельный полёт на планере. К этому времени общее количество полётов с инструктором было 39, и я, по словам Николая Амбарцумовича, летал неплохо. Планеристы и парашютисты жили в помещениях средней школы на Красной Слободе, по другую сторону речки Кудиалчай, а на аэродром ездили в автобусе через новый Кубинский мост.

Красная Слобода — является поселком, административной единицей самоуправления города Кубы. Город и посёлок связывают два моста, старый и новый. Посёлок является единственным местом компактного проживания горских евреев на всем постсоветском пространстве. Родным языком горских евреев считается язык джухуро³, входящий в группу иранских языков. Уже начиная с XIX века, азербайджанский язык стал вторым родным языком горских евреев. Одним из основных традиций населения Красной Слободы является гостеприимство, которое мы ежедневно ощущали.

Рано утром, выполнил с инструктором два полёта по кругу. Погода для учебно-тренировочных полётов была великолепная. По небу сплошным потоком плыли облака. Солнце изредка показывалось на несколько секунд сквозь реденькие разрывы туч и быстро исчезало за тёмно-серыми массами. Болтанки не было, в таких случаях говорят, что летаешь как в «молоке». После посадки Николай Амбарцумович вылез из задней кабины, вытащил свой парашют и пристегнул в задней кабине привязные ремни. — Погода отличная, полетишь самостоятельно, — сказал он, — будь внимательней, пилотируешь ты неплохо. Не волнуйся, все будет хорошо.

В плановой таблице такой вариант полета не был предусмотрен, и я ощутил легкий озноб от неожиданного решения инструктора, но взял себя в руки. Закрыл фонарь. После того как буксировочный фал подцепили к планеру и самолёт выбрал слабину, доложил руководителю, что к полёту готов. Сопровождающий за крыло поддерживал планер в горизонтальном положении.

Самолёт ЯК-12 увеличил обороты двигателя и помчался вперед, увлекая за собой и мой планер. Облегченный на 90 килограмм планер быстрее, чем обычно, реагировал на малейшие движения ручки управления и педалей.

Через несколько десятков метров планер оторвался от земли. Я старался удержать его в метре от поверхности. Вскоре в воздухе оказался и самолёт. Аэропоезд стал набирать высоту. Горизонт плохо просматривался, облака, плывущие на низкой высоте и перекрывающие всё небо, двигались в сторону речки. Планер, буксируемый самолётом, летит по существу, как обычный моторный самолёт, только тягу ему создает не мотор, а самолёт-буксировщик.

Первый самостоятельный полёт на «Бланике».

Провожает в полёт Виктор Жалдак

Первый разворот, второй. Земля медленно уходила вниз. Слева показалась Куба. Я вслух разговаривал сам с собой, комментировал происходящее и одобрял свои действия. Над стартом, на высоте 300 метров, после сигнала с самолёта буксировщика, покачивания с крыла на крыло, отцепился и слегка отвернулся влево. Выполнил над аэродромом коробочку, стараясь, чтобы прямоугольник получился ровным, учитывая снос планера ветром, выполнил четвёртый разворот, вышел ровно в створ и через некоторое время плавно коснулся единственным шасси и костылём у посадочного знака и остановился в воротах, выложенных из белых полотнищ.

— Еще один полёт. — раздался в наушниках голос инструктора.

Второй полёт прошел так же успешно, как и первый. Левое крыло планера потихоньку легло на землю, я снял наушники, откинул в сторону фонарь и с большим удовольствием вдохнул свежий воздух.

После традиционных поздравлений с первыми самостоятельными полётами начальник аэроклуба И.М. Рагимов сказал:

— Сегодня ты летал, как научил тебя инструктор, поэтому я был спокоен. Проблемы начнутся, когда начнет формироваться свой, собственный почерк и появится желание экспериментировать в воздухе.

На следующий день вылетел самостоятельно Юра Алёхин, а затем по очереди все остальные планеристы первого года обучения. Мы немного завидовали «старичкам», которые уже освоили серебристые чешские планера «Бланик», летали на парение. Среди девушек планеристок мастерством парящего полёта выделялись Катя Аристова и Люба Фомина. Среди мужчин непререкаемым авторитетом пользовались Геннадий Казаров и Алексей Козырев. У Геннадия и Алексея уже имелись несколько личных и республиканских рекордов на счету, а мы ловили каждое их слово, советы и пожелания.

С этого дня программа обучения полётам стала усложняться. Летал не только по кругу, но и в зону. В зоне отрабатывали срыв в штопор и выход из него, чистоту выполнения глубоких правых и левых спиралей, скольжения. Спираль – это важнейший элемент парящего полёта. От правильно подобранного радиуса спирали в восходящем потоке зависит быстрота набора высоты, продолжительность и дальность полёта. Главная особенность глубоких спиралей в том, что руль направления начинает выполнять функции руля высоты и наоборот. А главное для планериста удерживаться в восходящем потоке и набирать высоту.

Все знали, что в трёх километрах от аэродрома, за речкой, находится мое родное село Владимировка. Лётчик-буксировщик Неретин Сергей Иванович решил сделать для меня подарок. В одном из полётов он немного изменил маршрут и протащил мой планер на малой высоте вдоль центральной улицы, от пшеничного тока «Хармана», через всё село, до первого дома, где проживала большая, многодетная семья Цебулёвых. Пролетая над знакомыми домами, я видел на улицах и во дворах людей, смотревших вверх. Высунул руку в форточку и непрерывно махал ею, приветствуя односельчан, при этом покачивая крыльями. В ответ люди тоже отвечали мне, размахивая руками.

В селе многим было известно, что я нахожусь на сборах неподалеку. Ребята и девчата часто приходили на аэродром посмотреть полёты на планерах и парашютные прыжки. Иногда, некоторым из них удавалось прокатиться пассажирами на самолёте, летевшем на разведку погоды.

Один раз, из-за неумеренного любопытства детей, случилась целая трагедия. Парашютист Толик Нитовкин, человек крупного телосложения, выполняя очередной прыжок с парашютом, уже готовился к приземлению. Группа детей, пробравшись к аэродрому со стороны кустарников, со всех ног кинулась по полю, прямо ему под ноги, обутые в тяжелые парашютные ботинки с толстой подошвой. Один из них споткнулся и упал. Толик, чтобы не приземлиться на ребенка, в последнюю секунду резко потянул боковые лямки и соскользнул в сторону, перевернулся через голову и остался лежать на земле. Голова ребенка осталась цела, а сам Толик получил серьёзные травмы обеих ног и срочно был доставлен в больницу.

В дальнейшем, место для посетителей было обозначено красными флагами, а дежурному-наблюдателю была вменена обязанность обеспечивать безопасность полетов и прыжков и безопасность самих «непрошенных» гостей.

В дни, когда полётов по тем, или иным причинам не было, ходил в село к родственникам в гости, а обратно возвращался с полной сумкой вкусного хлеба, пирожков, сыра, варенья и прочих продуктов. По понедельникам полётов никогда не было. То ли день считался тяжёлым, то ли это следствие старых предрассудков, но, тем не менее, понедельник всегда был днём, когда вся материальная часть приводилась в идеальный порядок. Самолёты и планеры осматриваются по специально разработанным схемам, моются, чистятся, смазываются, а если требуется, то и ремонтируются.

В один из понедельников возвращался на аэродром с традиционной парашютной сумкой, заполненной съестным. Солнце пекло нещадно. Температура в тени была не менее 40° по Цельсию. Я знал короткую дорогу на аэродром через «Татарский» яблоневый сад и речку. В саду, по тропинке обязательно проходил мимо моего старого знакомого – толстенного дуба с дуплом, в котором много-много лет подряд гнездились домовые сычики. По всей видимости, кладка в это лето была вторая. Пять птенцов одного размера, уже почти полностью оперились. Иногда, при моем приближении, из дупла бесшумно вылетала взрослая сова. Сядет недалеко на ветку и смотрит исподлобья большими жёлтыми глазами.

Самку от самца отличить почти невозможно. Обе птицы окрашены одинаково, буроватым цветом и светлыми пестринками. На «лице» выделялся короткий желтоватый клюв и сильные ноги, заросшие перьями. Интересныочные песни домового сыча. Да и песней назвать нельзя выкрикиваемые громкие звуки, исполняемые на различный манер. То затянет чибисом или несколько раз мяукнет кошкой, то начнёт повторять «каау-ка, каау-ка», «киу-киу-кааак». Далеко слышно.

В дупле полная антисанитария, резкий неприятный запах. Останки мышей, крыс, высохшие ноги и хитиновые пластинки крупных насекомых.

Убедившись, что птицы на месте, зашагал дальше, перешёл канал у плотины и направился к речке. Сложность перехода через бурные потоки, заключалась в том, чтобы суметь найти на изгибе течения, под мутной поверхностью огромные валуны, по которым можно перейти босиком на другую сторону без особого риска быть сбитым с ног напором воды, галопом мчащейся в сторону моря.

Речка с противоположной стороны от основного русла отделена высоким и крутым обрывом, заросшим густым колючим боярышником и облепихой. Вдоль обрыва, по наклонной терраске, среди кустов, я поднимался вверх к полю, за которым располагался аэродром.

Со всех сторон раздавались пронзительные трели различных цикад, перекрывающие шум речки. Вдоль обрыва стремительно проносились золотистые щурки, прихватывая на лету стрекоз и прочих насекомых. Не отставали от них и береговые ласточки. Их стремительный полёт на малой высоте вдоль течения, а затем резкий взлёт на высоту с переворотом в противоположную сторону, производили неизгладимое впечатление. В глубине кустарников всё ещё пели соловьи, а с пшеничного поля ритмично бил перепел – «пить-пиль-пить», «пить-пиль-пить»...

По полю, в сторону аэродрома, пролегала широкая тропа, заросшая режущими и колющими травами: татарниками, мордовниками и синеголовниками, «бешеными» огурцами, имеющие свойство выстреливать при соприкосновении семенами с горькой жидкостью, благодаря чему они получили свое название. Как ни стараешься осторожно пройти этот участок, все равно через брюки получаешь царапины, а вечером залечиваешь раны зелёнкой.

Авиатехник Слава Данилов

Наконец-то аэродром. Под крылом самолёта на чехлах лежал раздетый по пояс наш авиатехник Слава Данилов, обладатель огромного тела и живота, с которого стекали струйки то ли пота, то ли растопившегося жира. Увидев меня с сумкой, Слава приподнялся на локте, ухмыльнулся и задал вопрос:

— Саш, как ты думаешь, что самое главное в нашей жизни?

— Как что? Конечно здоровье, — не раздумывая, ответил я.

— Э-э-э, нет, — тоном, не допускающим возражения, сказал он, — самое главное в нашей жизни — это питаньечко! Будет хорошее питаньечко, будет и хорошее здоровьечко! Что у тебя вкусненького в сумке?

Через десять минут с облегчённой наполовину ношей, наконец, добрался до наших ребят, спрятавшихся под полотняным навесом от палящих лучей.

— Чего ты его подкармливаешь? Его в полёт никто не хочет брать, при взлете самолёт долго не отрывается от земли, лётного поля уже не хватает, — отчитал меня Вячеслав Иосифович Рыбников, наш авиационный инженер.

— Пусть ест, — отшутился я, — не полетит в Баку самолётом, доедет автобусом. Вячеслав Иосифович был необыкновенным человеком. Обычно скромный и немногословный пожилой инженер, однажды пришел в аэроклуб на праздник, посвященный 18 годовщине Победы над фашисткой Германией, в мундире полковника авиации. Всю грудь украшали многочисленные ордена и медали. В тот вечер я узнал, что он в тридцатых годах уехал добровольцем в Испанию, в составе интернациональной бригады, сформированной в Народной армии, воевать с франкистами. Воевал в Испании вместе с легендарным лётчиком-испытателем А.К. Серовым в одном авиационном полку, а во время Великой Отечественной войны готовил самолёты к боевым вылетам. Сборы в Кубе заканчивались. Все спортсмены приобрели бесценный опыт пилотирования планером, а самое главное — между нами крепла дружба, без которой в авиации просто не обойтись. В Баку возвращались в автобусе, в дороге пели песни и делились

впечатлениями. У каждого имелись свои накопившиеся события и новые впечатления, с которыми просто необходимо было с кем-то поделиться.

Полёты в Пирекяшкуле возобновились по выходным, а через месяц мы снова поехали на сборы, но уже в другую сторону от Баку, в Муганскую степь, в Карасу. Там нас ждали новые интересные приключения и события, которыми так богата была наша юность

¹ Трансовое состояния — это измененное состояние сознания. Если говорить простым языком — это состояние глубокой погруженности в себя.

² «Шах Хусейн! Вай, Хусейн!» переводится как «Царь Хусейн! О, Хусейн»

³ Джухуро говорят на горско-еврейском диалекте татского языка. Исторически татский язык происходит от классического фарси (официального языка Персии — современного Ирана) смешанного со среднеперсидскими диалектами. Существует предание, распространенное среди них, что они являются потомками десяти потерянных колен, изгнанных из Израиля в IV-V веках н.э. Территория Кубы входила в состав Хазарского Каганата и, естественно, евреи вступали в браки с принявшими иудаизм хазарами.

© Copyright: [Александр Крохин](#)